

Сказка С. Топелиуса " Звездоглазка "

Снег искрился, северное сияние сверкало, и ясные звезды блистали в небе.

Был рождественский вечер. Лопарь погонял оленя далеко в горах, а следом за ним ехала на олене его жена. Лопарь ехал довольный, он то и дело оборачивался и глядел на жену, которая сидела в небольших лапландских санях, ведь олень не может везти сразу двоих. Лопарка держала на коленях маленького ребёнка. Держать младенца, запелёнатого в толстую оленью шкуру, и править ей было несподручно. Когда они миновали перевал и начали спускаться с горы, то увидели волков. Это была большая стая в сорок или пятьдесят волков, какие нередко встречаются в Лапландии. Волкам не удалось отведать оленины, и они, воя от голода, тут же бросились догонять лопаря с женой.

Завидев волков, олени в обеих упряжках пустились во всю прыть, они ринулись под гору с такой бешеной скоростью, что сани подбрасывало вверх, заносило в стороны, кружило вокруг сугробов. Лопарю и лопарке это было не впервой, они крепко держались за сани, хотя ни слышать, ни видеть ничего не могли; и в этой неразберихе случилось так, что лопарка уронила ребёнка на снег. Напрасно она кричала и старалась удержать оленя, — олень знал, что волки настигают его, он лишь прятал уши и бежал ещё быстрее, так что кости у него трещали, как трещат орехи, когда их колют. И вскоре олени, и сани укатили далеко от того места.

Младенец лежал в снежном сугробе, закутанный в оленью шкуру, и смотрел на звезды. Волки вмиг оказались возле него, а он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, мог лишь только глядеть на них. Он не плакал, а только лежал не двигаясь и смотрел. В невинных глазах младенца скрыта удивительная сила. Голодные хищники остановились и не посмели его тронуть. Они постояли немного неподвижно, глядя на ребёнка, словно онемев от изумления, потом помчались изо всех сил по оленьему следу продолжать охоту.

Ребёнок лежал один в огромной дикой глухомани. Он смотрел на звезды, а звезды смотрели на него, и огромные, бесчисленные, прекрасные далёкие солнца, сияющие в ночном небе, казалось, сжалились над беззащитным земным младенцем, лежавшим на снегу, они так долго смотрели на него и он так долго смотрел на них, что в глазах у ребёнка застыл звёздный свет. Дитя непременно замёрзло бы насмерть, но в это время по этой снежной пустыне ехал человек. Был это финский новосёл из прихода Энаре. Он возвращался из норвежского города Вадсё, вёз соль и муку к празднику; увидев младенца, он взял его к себе в сани.

Новосёл приехал домой под утро, когда в приходской церкви звонили к заутрене. Он внёс малютку в тёплую горницу и протянул его жене.

— Вот тебе рождественский подарок, — сказал он, стряхивая иней со своих тёмных волос.

И тут он рассказал ей, как нашёл младенца. Жена взяла ребёнка, развернула его и дала ему тёплого молока.

— Бог послал нам тебя, несчастное дитя, — сказала она. — Подумать только, как ты смотришь на меня! Раз у тебя нет ни отца, ни матери, Симон Сорса будет тебе отцом, а я матерью, будешь нашей доченькой. Тебя, верно, уже окрестили.

— Наверяд ли, — отвечал новосёл Симон Сорса. — Лопарям далеко ехать до церкви и до пастора, они ждут, покуда не наберётся сразу несколько ребятишек. Они сами везут детей к священнику, берут его за руку и, когда он их окрестит, говорят: «Аминь». Ведь сейчас как раз рождественская заутреня, самое время снести младенца в церковь да окрестить.

Жена решила, что это разумный совет, и так найдёныша, а это была девочка, окрестили и нарекли её Элисабет в честь приёмной матери.

Благословляя младенца, пастор подивился тому, что глаза Элисабет светились, как звезды, и он добродушно пошутил:

— Тебя надо бы назвать Звездоглазкой, а не Элисабет.

Жена новосёла подумала, что это не по христиански, и сказала о том мужу. Но Симон Сорса был согласен с пастором и счёл, что то, другое, имя подходит девочке не хуже первого.

— Что ты ещё вздумал! — рассердилась жена. — Нечего давать ребёнку колдовские прозвища, ведь девочка — лопарка, а лопари умеют колдовать. Погляди ка, у Симму, у Пальте и Матте глаза серые, а у неё — чернущие, коли хочешь дать ей прозвище, зови её Черноглазкой.

Симон не хотел огорчать жену и сделал вид, что забыл это прозвище, но соседи услышали про слова пастора, и с того дня стали называть найдёныша Симона Сорсы Звездоглазкой.

Девочка росла вместе с тремя названными братьями. Мальчишки были сильные и неуклюжие, а она — хрупкая, тоненькая. Как почти что у всех лопарят, волосы у неё были тёмные, а глаза чёрные; только лопарята иной раз бывают вспылчивые и своенравные, а Звездоглазка была всегда спокойная, незлобивая и молчаливая. Четверо ребятишек жили дружно, хотя мальчишки иногда в шутку таскали друг друга за волосы. Новосёл и его жена любили одинаково всех четверых, все шло ладно, родные отец и мать Звездоглазки не разыскивали её. Откуда лопарю и лопарке было знать, что девочка жива? Они думали, что волки съели их малое дитя.

Звездоглазке пошёл ещё только третий годик, когда приёмная мать стала замечать за ней что то неладное. В глазах у ребёнка была такая сила, против которой никто не мог устоять. Когда братья дразнили её, она никогда не спорила с ними и не защищалась. Но стоило ей взглянуть на них, как они делали все, чтобы угодить ей. Чёрный кот с горящими, словно огоньки, глазами не смел глядеть на неё, лохматый Кетту, дворовый пёс, переставал лаять и рычать, как только Звездоглазка бросала на него взгляд. Названной матери казалось, что глаза девочки сверкали в темноте, а однажды, когда в горах бушевала буря, Звездоглазка вышла на крыльцо, и через несколько минут ветер утих, видно, это Звездоглазка усмирила его.

Как ни любила жена новосёла девочку, такие дела ей были не по душе.

— Перестань глядеть на меня, — нетерпеливо говорила она иной раз малышке. — Никак ты думаешь, что можешь видеть меня насквозь!

Звездоглазка огорчалась и опускала глаза; она понимала лишь, что огорчила свою добрую матушку. Тогда названная мать ласково хлопала её по щеке и говорила:

— Не плачь, Лисулиль, ведь ты не виновата, что родилась лопаркой!

Однажды, когда Звездоглазке было три года, жена новосёла сидела за прялкой и думала о своём муже, который был в отъезде. Ей вдруг вспомнилось, что лошадь у него потеряла подкову с левой задней ноги. Звездоглазка сидела верхом на скамье, будто бы на лошади, и погоняла её; и тут она возьми и скажи своей скамье лошадке:

— Матушка думает о том, что ты потеряла копыто с левой задней ноги.

Жена новосёла перестала прясть и с удивлением спросила:

— А ты откуда знаешь?

— Лисулиль видела это.

Приёмной матери стало не по себе, но она сделала вид, будто ничего не заметила, но впредь решила приглядывать за малышкой повнимательнее. Несколько дней спустя заночевал в доме чужой человек, а наутро хозяйка хватилась — нет золотого кольца, лежавшего до того на столе. В краже заподозрили чужого, обыскали его одежду, но ничего не нашли. Тут проснулась Звездоглазка, она глянула удивлённо на чужого и сказала:

— А кольцо у него во рту.

Так оно и было, человека прогнали, а хозяйка все ещё делала вид, будто ничего не заметила.

Немного погодя Пальте заболел корью, пришёл пастор поглядеть, что с ним, ведь пастор был сведущ в лекарском искусстве. У матери в кладовке было два лосося, и она подумала про себя: «Который из двух дать пастору — маленький или большой? Пожалуй, хватит с него и маленького».

Звездоглазка сидела в углу и держала на коленях щётку, понарошке это была у неё не щётка, а больной сынок. Потом она взяла метлу, метёлка была у неё пастором.

— Какого лосося дать тебе, маленького или большого? — спросила она метлу. — Пожалуй, хватит с тебя маленького.

Её слова услышала названная мать, каждое слово впивалось ей в сердце, словно иголка. Когда пастор ушёл, она, не в силах долее сдерживать гнев, сказала Звездоглазке:

— Вижу я, ты никак не выбросишь колдовство из головы, лопарка! Больше ты не станешь пялить на меня свои ведьмины глаза, будешь жить в подполе, выходить оттуда будешь раз в день к обеду с завязанными глазами, нечего тебе глядеть на людей, покуда не перестанешь колдовать.

Жестоко поступила жена новосёла с бедной малышкой, которая никому худого не сделала, но она была суеверная, как и многие в округе, и твёрдо верила в то, что лопари умеют колдовать. И потому она заперла Звездоглазку в тёмный подпол, но дала ей тёплую

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

одежду, еду и постель, чтобы девочка не голодала и не холодала. У Звездоглазки было все, кроме свободы, любви, людей рядом с нею и дневного света.

Симон был в отъезде, а Звездоглазка сидела в подполе. Было ей там не весело, но и не очень скучно. У Звездоглазки была в подполе своя компания. Там было старое бревно, разбитый кувшин, полено, колышек и бутылка без горлышка. Она придумала, что бревно — это отец, кувшин — мать, а полено, колышек и бутылка — названные братья; и все они, кроме бревна, жили в пустой бочке. И каждый в бочке занимался своим делом. Звездоглазка пела им песни, а мыши и крысы слушали их.

У Лису, жены новосёла, была соседка по имени Мурра. За день до Рождества сидели они вдвоём в горнице и толковали про колдовское искусство лопарей. Мать вязала рукавицы, Симму играл с медными монетками, Пальте толоч разбитый кирпич, а Матте повязал коту шнурок на лапу. И тут они услышали, как Звездоглазка поёт, убаюкивая полено:

Рукавички вяжет мать,
Радуются детки,
Симму хочет посчитать
Звонкие монетки,
Пальте крошит кирпичи,
Кот мурлычет на печи.
Лунный свет в окошке.
Спи, усни, мой крошка.

— О чем эта лопарская девчонка поёт в подполе? — спросила Мурра.

— Она убаюкивает свои игрушки в бочке, — отвечала Лису.

— Но ведь она видит сквозь пол, что мы делаем. Неужто, сидя в тёмном подполе, она видит, как светит луна?

— Наверяд ли! — воскликнула Лису. — Наказание мне с этой девчонкой, ни дать ни взять — маленькая колдунья.

— Я знаю, что надо делать, — сказала злая Мурра. — Повяжи ей на глаза семь шерстяных платков и положи семь половиков на крышку подпола, тогда она ничего не увидит.

— Попробую, — отвечала Лису.

Она спустилась в подпол, завязала маленькие звёздочки глаза семью шерстяными платками, а после положила семь половиков на крышку подпола. Вскоре стало совсем темно, засветились звезды, и северное сияние зажгло на вечернем небе две красные дуги.

И снова они услышали песню Звездоглазки:

Ни мороза, ни пурги,
вечер тих и светел,
и две красные дуги над горою светят.
везды льют свой тихий свет,
ярче звёзд на свете нет.
Звезды смотрят на меня,
эти звезды мне родня.

— Нет, ты только послушай, — сказала Мурра, — сейчас она видит северное сияние и звезды! Таких маленьких чертенок мне ещё не доводилось встречать.

— Быть того не может, — отвечала хозяйка, — я спущусь в погреб.

Она откинула семь половиков, спустилась вниз и, убедившись в том, что на глазах у Звездоглазки семь шерстяных платков, спросила:

— Ты видишь звезды?

— Да, их так много, так много, — отвечала Звездоглазка. — Вокруг так ясно и светло, скоро наступит праздник!

Хозяйка вылезла из подпола и рассказала обо всем Мурре. А Мурра ответила:

— Теперь остаётся только вырыть в подполе яму глубиной в семь метров, положить в неё это чёртово отродье и засыпать её песком. Это уж точно поглотит.

— Нет, — сказала Лису, — этого я не стану делать. Мне жаль её, да к тому же боюсь, что муж мой огорчится, когда узнает, что с ней случилось.

— Тогда отдай мне девчонку, я отвезу её назад в Лапландию.

— Обещай, что не сделаешь ей худого?

— Что я могу ей сделать? — отвечала Мурра. — Отвезу её туда, откуда её взяли.

Получив согласие хозяйки, Мурра завернула девочку в старую оленью шкуру и повезла её в горы. Там она положила девочку на снег и уехала.

— Я сделала то, что обещала. Раз её нашли в снежном сугробе, я и положила её на снег, — сказала она.

Звездоглазка лежала в снежном сугробе, закутанная в оленью шкуру, и смотрела на звезды. Как и три года назад, стояла рождественская ночь, и тысячи прекрасных, ясных, огромных, далёких солнц, сиявших на небе, сжалились над невинным младенцем. Они светили в глаза, заглядывали в её сердце и не нашли там ничего, кроме доброты. И тут её детские глаза засияли ещё ярче и удивительнее, она обрела дар видеть ещё зорче, далеко далеко, дальше звёзд, проникать в мириады миров Вселенной. А ночь была тихая и ясная, полная торжественного безмолвия. Лишь северное сияние рассеивало искры в небе, оно сияло радугой над головой Звездоглазки. Ранним утром, когда ребяташки ещё спали в горнице, новосёл воротился домой. Стряхнув иней со своих тёмных волос, он обнял жену и спросил про ребяташек. Жена рассказала, что Пальте хворал корью, но уже выздоровел, что Симу и Матте здоровенькие и толстенькие, как пшеничные булочки.

— А как поживает Звездоглазка? — спросил новосёл.

— Хорошо, — испуганно отвечала жена, почувствовав угрызения совести.

— Мы должны беречь Звездоглазку, — продолжал он. — Нынче ночью я заснул в снях и видел сон, будто звезда упала ко мне на меховое одеяло и говорит: «Возьми меня и береги хорошенько, я принесу счастье твоему дому». А когда я протянул руку, чтобы взять её, она исчезла. Я проснулся и подумал, что нам везло все эти три года, с тех пор как мы взяли это чужое дитя. Прежде не было нам ни в чем везения, мучили нас болезни и бедность: то мороз погубит урожай, то медведь задерёт коров, то волки утащат овец. А нынче ниспослана нам судьбой благодать за то, что мы призрели невинного младенца.

От этих слов у жены защемило сердце, но она не посмела сказать мужу правду. Тут проснулись сыновья, отец обнял их и порадовался, что они такие здоровенькие и сильные. Покачав их на коленях, он спросил:

— А где Звездоглазка?

Симу ответил:

— Матушка заперла её в подполе. А Пальте сказал:

— Матушка повязала ей на глаза семь платков и постелила на крышку подпола семь половиков.

А Матте добавил:

— Матушка отдала её Мурре, а Мурра увезла её в горы.

Услышав это, муж покраснел от гнева, а жена побелела как полотно и не нашла ничего сказать, кроме как:

— Она ведь лопарское дитя, а все лопари — колдуны. Муж ничего не ответил. Хоть сильно и устал он, но тут же пошёл в конюшню и снова запряг лошадь в сани.

Потом он подъехал к дому Мурры, заставил её сесть к нему в сани и велел показать место, где она оставила девочку. Они поднялись в горы, остановили лошадь и пошли на лыжах по засыпанному снегом ущелью. Подойдя к сугробу, на котором Мурра оставила дитя, они увидели на нем небольшую вмятину, а поодаль — лыжный след на снегу, но Звездоглазку они не нашли, она исчезла, они долго искали её и наконец повернули назад. Симон шёл на лыжах впереди, а Мурра позади, чуть поодаль. Вдруг раздался крик; новосёл, съезжавший вниз с горы, обернулся и увидел, что стая голодных лапландских волков рвала Мурру на части. Однако помочь он ей не мог, гора была слишком крута, пока он спускался вниз, волки её уже съели. Опечаленный вернулся он домой, как раз когда колокола звонили к заутрене.

Жена новосёла горько во всем раскаялась. Когда утром она пошла в хлев задать овцам корму, то увидела, что там побывали волки и не оставили ни одной овцы.

— Это только начало расплаты за содеянное нами зло, — сказал хозяин. — Теперь нам остаётся лишь горько каяться.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Никто так и не узнал, куда пропала Звездоглазка. Ведь рядом с сугробом, в котором она лежала, был лыжный след, может, какой-нибудь путник забрёл в эту глухомань, нашёл дитя и взял его с собой. Остаётся думать, что так оно и было, только никто не ведал, кто был тот путник и куда он увёз Звездоглазку, где она обрела свой новый дом; хочется надеяться, что ей там живётся лучше, что она принесла счастье этому дому и по-прежнему видит то, чего не видят остальные.